

На правах рукописи

КАМЕНЕВА Кира Дмитриевна

**«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В КУЛЬТУРЕ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПОКОЛЕНИЯ ПОЛУТОРА»
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г. ГАЗДАНОВА)**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

22 МАЙ 2008

Москва 2008

Работа выполнена на кафедре культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств.

Научный руководитель:

Полетаева Марина Андреевна
кандидат культурологии, доцент

Официальные оппоненты:

Аронов Аркадий Алексеевич
доктор педагогических наук,
доктор культурологии, профессор

Брусиловская Лилия Борисовна,
кандидат культурологии

Ведущая организация

Российский институт
культурологии

Защита *состоится* «11» июня 2008 года в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 210.010.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете культуры и искусств по адресу: 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7, корп. 2, зал защиты диссертаций.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан «8» мая 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

И.В. Малыгина

І. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования заключается в том, что процесс формирования идентичности в среде русских эмигрантов «поколения полутора» – один из самых малоисследованных культурных феноменов XX в. Всестороннее изучение этой эпохи, без которого наше представление о динамике русской культуры XX века является неполным, – одна из наиболее актуальных задач гуманитарной науки нашего времени, в связи с чем встаёт вопрос о создании «эмигрантологии». В конце XX столетия историки литературы определили одну из ближайших для себя задач в начале нового XXI в.: восстановить цельность завершившейся литературной эпохи в России.

Уровень обобщения здесь, как и в любой другой отрасли науки, достигим лишь после прохождения этапов становления, содержанием которых является анализ творчества не только видных культурных деятелей русской эмиграции, но и фигур второго и третьего ряда, составляющих своего рода культурный фон, без учета которого невозможно, однако, понимание самого феномена русского эмигрантского Ренессанса. До окончания этого этапа невозможна историко-культурная реконструкция всего многообразия сложнейших процессов, происходивших в культурном пространстве русской эмиграции. Сейчас, по сути, теория и история культуры находится в самом начале этого «накопительного» этапа. Многие имена первостепенных деятелей эмиграции (например, Ю. Мандельштам, Ю. Фельзен, Л. Червинская, А. Штейгер) почти не привлекали внимание учёных, а о систематическом рассмотрении литературной периферии эмиграции речь не идёт в принципе. В связи с этим рассмотрение философских интенций творчества одного из видных писателей эмиграции Гайто Газданова актуально как часть более общей задачи – попытки понять эмиграционный культурный феномен.

Младшее литературное поколение первой волны российской эмиграции XX столетия – поколение художников, полноправно вступивших в литературу в 1920-1930-е годы: М. Агеев, Н. Берберова, Б. Божнев, И. Болдырев, В. Варшавский, Г. Газданов, А. Гингер, А. Головина, М. Горлин, Р. Гуль, И. Кнорринг, Д. Кнут, Н. Кодрянская, Г. Кузнецова, В. Набоков, Б. Поплавский, А. Присманова, Г. Раевский, Н. Татищев, Ю. Фельзен, Л. Червинская, А. Штейгер, В. Яновский – эти и многие другие писатели и поэты эмигрировали из России в молодом или совсем юном возрасте, храня тяжелейшую память о произошедшей исторической катастрофе, а в отдельных случаях – и опыт

Гражданской войны. Формирование маркеров личностной культурной идентичности в значительной мере довершалось уже в обстановке эмигрантского существования, когда, «человек остался без всякой опоры, без какой-либо поддержки где бы то ни было, откуда бы то ни было»¹, – в условиях, единственным преимуществом которых была полная свобода начинающего литератора в своих духовных исканиях. Отсутствие громкого имени и возможностей публиковаться, сам статус эмигранта, сопряжённый с социальной неустроенностью, часто – с нищетой и бедствованием, с одной стороны, а с другой – обострённое ощущение пребывания внутри чужой, доминирующей культуры – способствовали обособлению «детей эмиграции» на фоне русского литературного зарубежья, а также рождению и формированию в их среде ментальности совершенно особого качества, впитавшей и причудливо совместившей в себе «многое не только от русской, но и от западной классики... не только от своих литературных современников соотечественников, но и от современников европейцев, наконец, не только от «эстетики словесного творчества», но и от экзистенциального чувства живого и зачастую трагического бытия»².

Именно этих представителей эмиграции и принято называть «незамеченное поколение» (В.С. Варшавский). Не замыкаясь на характерной для старшего поколения идее возрождения исторического прошлого России, ведя напряженный творческий поиск, активно ассимилируя и используя «иноязыковое» и «инокультурное» окружение своего ареала, писатели и поэты младшего поколения уходили и от традиционной эмигрантской тематики, связанной с ностальгией по утраченным традициям и быту. Но тем самым еще более затруднялось их вхождение в литературу. Ощущение двойного одиночества и заброшенности усиливало трагизм мироощущения.

При обращении к творческому наследию Г.И. Газданова (1903-1971), начиная с момента публикации монографии Л. Диенеша (1982), фактически стали уже общим местом рассуждения об особом духовном опыте, с которым этот писатель вступил в литературу. В соответствии с известными фактами биографии писателя делаются попытки определить своеобразие модели мира, созданной Газдановым как представителем младшего поколения первой волны россий-

¹ *Адамович Г.* Одиночество и свобода – Нью-Йорк Издательство им Чехова – 1955 – С 70

² *Матвеева Ю В.* «Превращение в любимое» Художественное мышление Гайто Газданова – Екатеринбург УрГУ – 2001 – С 53

ской эмиграции XX в: «Почва заколебалась – война, революция, гражданская война, эмиграция. . Исчезла стабильность, свойственная жизни старшего поколения. Персонажи... вслед за писателем утратили способность целостно воспринимать мир – потеряны критерии между значительным и мелким, постоянным и преходящим. Мир стал текучим, фрагментарным, утратившим внутреннюю связь»³.

Такая кардинальная черта газдановского мира, как снятие дуальной оппозиции «свое» – «чужое», характерная для раннего постмодерна, до настоящего времени, насколько нам известно, была только косвенным объектом внимания исследователей.

Непосредственными предшественниками постмодернизма являются постструктурализм и деконструкция как философский метод. Последние два понятия чрезвычайно близки основным установкам постмодернизма – постструктурализм и деконструкция свели историю к философии, а философию к поэтике. Наиболее распространена точка зрения, что постмодернизм возник как кризис на классический модернизм в конце 1930х гг. и что первым произведением постмодернизма является роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану». Однако существует мнение, обобщенное, в частности, В. Рудневым, что постмодернизм появился гораздо раньше, одновременно с модернизмом, и начал с самого начала подтачивать его корни. Если смотреть на дело так, то первым произведением постмодернизма был «Улисс» того же Джойса.

В рамках данного диссертационного исследования мы разделяем вторую из представленных точек зрения, связанную с трактовкой появления постмодернизма в рамках парадигмы модерна. В этой связи мы используем в качестве ведущей дефиниции понятие «ранний постмодерн», редко встречающееся в научной литературе. Сразу оговоримся, что при использовании термина «ранний постмодерн» мы фактически приравниваем его к предпостмодерну. Отличительной чертой этого направления является наличие постмодернистских интенций (ризомы, интертекст, цитатность, субъективизм, игра, коллажность и т. д.) преимущественно в поэтике литературных текстов.

Думается, что более пристальное внимание к вопросу о ранних постмодернистских интенциях в творчестве Г. Газданова, о проблеме их взаимосвязи с сюжетно-композиционной организацией его произведений, должно способствовать более адекватному представлению о

³ Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции 1917-1930-е гг. – Уфа. Восточный ун-т – 1998 – С. 34

специфике рефлексии русской эмиграции XX века.

Состояние научной разработанности проблемы. Первый блок проблем, проанализированный в рамках данного исследования, касается формирования и трансформации культурной идентичности личности. Широкое распространение термина «идентичность» и его введение в междисциплинарный научный оборот произошло благодаря известным трудам американского психолога Эрика Эриксона⁴. Со второй половины 1970-х годов это понятие прочно вошло в лексикон всех социально-гуманитарных наук, привлекает внимание ученых различных направлений и дает начало многочисленным теоретическим и эмпирическим исследованиям проблемы идентичности. Различным ракурсам исследования проблем идентичности личности посвящены работы психологов Р. Бернса, Д. Зиглера, И. Кона, Б. Ливехуда, Дж. Мид, Э. Фромма, З. Фрейда, Л. Хьела, К. Юнга, и др.; этнопсихологов А. Садохина, Т. Стефаненко, В. Тишкова; социологов С. Баклушинского, Е. Белинской, П. Бергера, Н. Журавлева, А. Казминой, О. Козловой, Ю. Левады, П. Сорокина, Т. Шредера, В. Ядова; культурологов П. Гуревича, Б. Ерасова, И. Малыгиной, А. Флиера, М. Шibaевой и др. Такой специфический ракурс формирования идентичности, как интериоризация, рассматривался М. Бахтиным, М. Бубером, Л. Выготским, П. Жаном, Ж. Пиаже и др.

Проблемам межкультурной коммуникации посвящены труды Л. Гришаевой, Т. Грушевицкой, Д. Гудкова, В. Конечкой, В. Кочеткова, В. Красных, О. Леонтовича, В. Масловой, В. Попкова, С. Терминасовой, А. Шестакова и др.

Термин «культурный шок» был создан К. Дюбуа в 1951 г. и впервые применен к кросскультурным проблемам антропологом К. Обергом в 1960 г. Проблематику неопределенности, несоизмеримости процессов идентификации в условиях постмодерна, происходящих в той области, которую можно назвать межкультурной, освещает Ю. Кристева. С ее точки зрения, совершенно недостаточно было бы сказать, что экспатрианты являются всего лишь носителями утопических либеральных убеждений. Миграционный опыт артикулируется как опыт нахождения в «зазоре» срабатывания порождающего механизма культуры, или «в зазоре настоящего» (М.К. Мамардашвили), потому что будущее, вероятно, не может проясниться до тех пор, пока не состоится актуальная разработка культурного содержания, не-

⁴ Эриксон Э. Детство и общество – СПб Речь – 1996, Эриксон Э. Идентичность юность и кризис – М Прогресс. – 1996

предзаданного никак. В этом смысле понятие динамической идентификации представляется продуктивным для данной диссертационной работы.

Второй блок проблем, рассматриваемый в данной работе, сопряжён с освещением культурной специфики русской эмиграции. Исследователи, имея в виду массовый отъезд из послереволюционной России, используют различные модели эмиграции от статичной, выстроенной по классическим образцам, до динамичной, отражающей особую культурную ситуацию.

Поскольку данная диссертация не ставит своей целью создание историографии русской эмиграции, мы перечислим лишь имена историков, культурологов, литературоведов и социологов, внесших наибольший вклад в изучение культуры русской эмиграции: А. Аронов, А. Ахиезер, З. Бочарова, С. Дельвин, Л. Еременко, А. Зверев, Е. Земская, А. Квакин, П. Ковалевский, И. Кондаков, В. Костиков, Б. Лапин, А. Мацейно, М. Мекин, А. Мулярчик, М. Назаров, Е. Пивовар, Ю. Поляков, Л. Ржевский, И. Сабенникова, Г. Струве, Г. Тарле, Е. Хитрова, Е. Чельшев, М. Чудакова, Э. Шулепова.

Особой значимостью обладают научные труды, посвященные изучению культуры русских эмигрантов «поколения полутора», к которым относятся работы Н. Барковской, А. Большаковой, В. Боярского, Л. Брусиловской, М. Васильева, Т. Ворониной, В. Жердевой, И. Каспэ, Г. Кодзиса, И. Кондакова, Н. Мельникова, О. Михайлова, А. Николукина

Как отмечено в работах В. Боярского, именно с произведений 1940-х гг начинается признание Газданова как фигуры европейского масштаба: его романы активно переводятся на европейские языки, получают положительные критические отзывы. Первым исследователем, рассмотревшим творчество Газданова как целостную систему, был Л. Диенеш (1982). Анализируя биографию писателя, его произведения и свойственные им константные темы, Л. Диенеш, однако, не ставил своей задачей подробный анализ конкретных произведений. В дальнейшем творчество Газданова в различных ракурсах исследовали Ю. Бабичева, В. Березин, Л. Брусиловская, Н. Дзуцева, О. Дюдина, В. Жердева, С. Кабалоти, Т. Каяболов, Ким Се Унг, И. Кондаков, Т. Красавченко, И. Кузнецов, Л. Матанцева, Ю. Матвеева, Ю. Нечипоренко, С. Никоненко, М. Новиков, О. Орлова, С. Семенова, Т. Семёнова, Л. Сыроватко, Е. Тихомирова, Р. Тотров, Е. Трофимов, С. Федякин, М. Шульман. Однако, насколько нам известно, анализ философии

ских интенций в ключе раннего постмодернизма не являлся предметом ни одного из вышеперечисленных исследователей.

Объект исследования – культурные смыслы произведений Г. Газданова: «Вечер у Клэр», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды», «Ночные дороги», «На французской земле».

Предмет исследования – формирование поликультурной идентичности у представителей русской эмиграции «поколения полутора».

Цель исследования – деконструкция «своего» и «чужого» в контексте философских интенций раннего постмодернизма, выявленных в текстах произведений Газданова.

Достижение поставленной цели диссертационного исследования потребовало решения следующих задач:

- выявить многообразие подходов в рамках западной и отечественной науки к проблеме формирования культурной идентичности личности – для определения собственной методологической позиции;
- раскрыть понятие «поликультурная идентичность» в качестве теоретического конструкта с позиции теории культуры;
- представить поля интерпретации феномена русской эмиграции «поколения полутора» в культурологической литературе;
- выявить способы и пути формирования поликультурной идентичности в жизни Газданова и охарактеризовать её основные формы;
- выявить философские интенции в творчестве Газданова, сопряженные с ранним постмодернистским дискурсом снятия противопоставления категорий «своё» и «чужое».

Теоретико-методологические основы исследования. В работе учитывались теоретические разработки российских и зарубежных исследователей, литературоведов, культурологов, философов, психологов, а также материалы, содержащиеся в мемуарах и личной переписке и художественной литературе обозначенного периода. Методологической основой диссертации явились принципы объективности, конкретности, системного анализа объекта исследования в противоречивом единстве, взаимообусловленности и развитии всех его составляющих. Объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования сделали необходимым использование методологии структурализма.

Основными методами исследования стали: семиотический, генетический и факторный анализ; метод историко-культурной реконструкции, исторический и логический подходы к явлениям и процес-

сам общественной жизни.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что дискурс раннего постмодерна в европейской культуре XX века сформировался, в том числе, благодаря интеллектуальным исканиям русских эмигрантов «поколения полутора», для представителей которого характерно формирование поликультурной идентичности современного типа путем снятия дуальной оппозиции «свое» – «чужое».

Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

– Выявлены основные аспекты гуманитарного, исторического и психологического осмысления понятия «культурная идентичность» в контексте западного и отечественного гуманитарного дискурса, прослежены контекстуальные трансформации данного понятия

– Впервые с позиций теории культуры на теоретическом уровне разработано и структурировано понятие «поликультурная идентичность» как феномена, проявляющего себя на обыденном и специализированном уровне.

– В исследовании впервые выявлены ранние постмодернистские тенденции в жизни и творчестве Газданова, сопряжённые с поэтикой литературных текстов. При этом уточнено, что они заключаются, в том числе, в деконструкции дихотомии «свое» – «чужое» в текстах данного автора.

– Уточнены постмодернистские мировоззренческие интенции в художественных произведениях Газданова, сопряжённые с категориями «деконструкция», «ризома», «игра», «поток сознания», «субъективизм», «гипертекст» и т.д.

– Доказано, что в среде русской эмиграции «поколения полутора» сформировался феномен поликультурной идентичности личности, благодаря чему стало возможным успешное и высокоэффективное осуществление коммуникации между советской, эмигрантской и европейской культурами

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в рамках культурологии не разработано на теоретическом уровне само понятие «поликультурная идентичность» в среде русской эмиграции «поколения полутора», слабо отрефлектированы его основания и структурные компоненты.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе в рамках преподавания курсов по истории зарубежной культуры и литературы в высших

учебных заведениях по специальности «культурология».

Основные теоретические положения, выносимые на защиту:

1. В межкультурной коммуникации классической является ситуация, когда при взаимодействии с представителями другой культуры индивид как бы выходит за границы привычной обстановки, из круга привычных понятий и сталкивается с неизведанностью другого мира, при этом несовпадение самоидентификации и внешней идентификации становится питательной средой для формирования социальных, психологических, этнических предрассудков и национально-культурных стереотипов – барьеров на пути к межкультурному взаимопониманию. Однако в процессе межкультурной коммуникации трансформация личности предполагает прохождение через стадию маргинальности, которая представляет собой периферийное положение личности в обществе. Выход из состояния маргинальности возможен, в том числе, за счёт приобретения индивидом черт трансформированной поликультурной личности, способной успешно участвовать в процессе наведения мостов между представителями разных культур.

2. Трансформированная личная культурная идентичность – поликультурная по своей сути – не является частью конкретной культуры, но в то же время и не оторвана от нее, она живет на границе (перекрестке) культур. При межкультурном контакте личности функционируют как бы в пространстве «третьей культуры», обретающей формы промежуточных паттернов, действующих на пересечении культур. Межкультурной личности должны быть свойственны эмпатия, сниженная степень этноцентризма и умение устанавливать значимые взаимоотношения с «чужими».

3. Интерпретация понятий «свое» – «чужое» русскими эмигрантами «поколения полутора» показывает, что в ситуации миграции начинает формироваться совершенно уникальный механизм культурной идентификации личности, находящейся в кризисной, пограничной ситуации в условиях чужой страны и чужой культуры. Именно кризис идентичности, на наш взгляд, дал возможность некоторым представителям российской эмиграции совершить прорыв в конструировании собственной идентичности, что характерно для более поздней эпохи постмодерна. При этом особую привлекательность приобретает для «поколения полутора» промежуточная позиция между двумя негативными образами «современности» как образами «чужого»: между пугающим образом новой России и образом стареющей и, возможно,

гибнущей Европы.

4. Биография Газданова является примером формирования у человека поликультурной идентичности. При этом монокультурная стадия сменяется кризисом идентичности и далее, под влиянием такого канала межкультурной коммуникации, как вынужденная эмиграция, трансформируется через маргинальность в поликультурную идентичность. Таким образом, в результате межкультурной коммуникации была создана трансформированная поликультурная личность с множественной идентичностью как нормой постмодернистских реалий. Более того, за счет наличия мощного творческого потенциала Газданову удалось осуществить роль медиатора в процессе общения нескольких культур – русской зарубежной, советской и европейской. При этом у писателя сформировались такие личностные черты, как эмпатия, отсутствие этноцентризма, что и дало возможность осуществить успешную межкультурную коммуникацию через снятие оппозиции «свое» и «чужое».

5. Для ранней постмодернистской философии реальность не представляет самостоятельной ценности, а предстает через призму субъективных апперцепций, вследствие чего акцент в текстах смещается с события на его восприятие, как в романах Газданова. Доказывается, что без учета характера жанрового мышления Газданова не может сложиться адекватное представление о своеобразии его романов, которые, синтезируя в себе русскую и западную повествовательные традиции, выходят на новый уровень постмодернистского межкультурного диалога (поликультурности). Философское мышление Газданова, позиционированное в контексте предпостмодерна, вырабатывает и оригинальные принципы поэтики. 1) повествование в русле потока сознания, 2) временной синкретизм, 3) множественная идентичность героя, 4) соединение рационального и иррационального и т. д.

6. В романах Газданова проявляется совершенно новый характер хронотопа, когда художественное время образует сложную и многослойную структуру. Система координат повествования сориентирована не на реальное историческое время, а на «внутренний хронотоп» героя-рассказчика, в котором прошлое переживается как настоящее, а картины будущего отчетливы и реалистичны. Таким образом, можно говорить о ризомности ретроспективы, настоящего и перспективы. Такое ощущение времени выражается с помощью приемов нелинейного письма – монтажного и коллажного.

Апробация работы

1. По теме диссертации были опубликованы 5 статей, суммарным объемом в 1,5 п.л. (см. список публикаций в конце Автореферата).

2. Материалы диссертации внедрены в учебный процесс МГУКИ, они были использованы при разработке учебных курсов «История зарубежной литературы», «История западной цивилизации и культуры», читаемых в Высшей школе культурологии МГУКИ.

3 По материалам диссертации соискателем был зачитан доклад на ежегодной аспирантской конференции Высшей школы культурологии «Современные проблемы исследований культуры» в 2008 г. (№ 12) на тему «Проблема «своего» и «чужого» в формировании культурной идентичности личности». Текст выступления был опубликован на сайте Высшей школы культурологии <http://yanko.lib.ru/h1-scool/index.html> в марте 2008 г.

4. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии и антропологии МГУКИ от 01 февраля 2008 г. (Протокол № 6).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** характеризуется актуальность работы, описывается степень исследованности темы, ее цель, задачи, объект, предмет, научная гипотеза, методологии и методы, новизна, теоретическая и практическая значимость. Также отмечается, что в философской антропологии различие «своего» «чужого» – это проблема идентификации человека в окружающем мире. Человек способен не только «выйти» за пределы организованного им мира в открытый, «неупорядоченный» мир и определить свое отношение к нему, но и «войти» в другие культурные миры, а, следовательно, принципиально способен познать чужие миры и культуры.

Первая глава ««Свое» и «чужое» в культуре «поколения полутора»» посвящена общетеоретическому анализу специфики категорий «своего» и «чужого» в среде русской эмиграции первой половины XX столетия в Европе и состоит из двух параграфов.

Параграф 1.1. ««Свое» и «чужое» как маркеры культурной идентичности личности» сосредоточен на обзоре классических

концепций различных видов и аспектов идентичности, анализе проблемы «своего» и «чужого» в межкультурной коммуникации, а также постмодернистской трактовке указанных феноменов. Способность познания «чужих» культур имеет огромное значение для создания и развития собственной культуры, поскольку «своя» культура строится в соединении двух возможностей – возможности отграничения себя от другой культуры и возможности открыться другой культуре. Мир «своего», «своя» культура обретают своеобразие только в процессе осознания чужой культуры и в общении с ней.

Проблема «свой – чужой» в наши дни стала не только философской или исторической, но и политической, и во многом – культурологической. В рамках данного исследования, прежде всего, уделяется внимание последнему ракурсу указанной проблемы, трактуя ее в конечном счете как проблему личностной культурной идентичности.

Особое внимание уделено понятию «культурная идентичность», которая основывается на разделении представителей всех культур на «своих» и «чужих», что может привести как к социальной солидарности, так и к социальной конфронтации. В ходе межкультурной коммуникации может возникнуть ситуации расхождения или несовпадения каких-либо явлений другой культуры с принятыми в «своей» культуре, вследствие чего возникает понятие «чужой». Как следствие, формируется представление о «чужом» – нездешнем, иностранном, незнакомом и необычном. Констатация и осознание культурных различий становятся исходным пунктом для понимания причин неадекватности в ситуации коммуникации. Исходя из этого обстоятельства понятие «чужой» в межкультурной коммуникации приобретает ключевое значение. Проблема заключается в том, что до настоящего времени не сформулировано научное определение этого понятия. Во всех вариантах употребления оно понимается на обыденном уровне, то есть путем выделения и перечисления его характерных признаков и свойств. При таком подходе понятие «чужой» имеет несколько значений и смыслов. нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры; странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением; незнакомый; неизвестный и недоступный для познания; сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен; зловещий, несущий угрозу для жизни. И, наоборот, противоположное ему понятие «свой» подразумевает тот круг явлений окружающего мира, который воспринимается как зна-

комый, привычный, само собой разумеющийся.

В межкультурной коммуникации классической является ситуация, когда при общении представителей различных культур происходит столкновение культурно-специфических взглядов на мир, при котором каждый из партнеров первоначально не осознает значения различий в этих взглядах, поскольку каждый считает свои представления нормальными, а представления своего собеседника чуждыми. Несовпадение самоидентификации и внешней идентификации также становится питательной средой для формирования социальных, психологических, этнических предрассудков и национально-культурных стереотипов, стоящих на пути к межкультурному взаимопониманию. Более того, в ситуации межкультурной коммуникации личность чаще всего переживает кризис идентичности, связанный с её трансформацией. Трансформация личности предполагает прохождение через стадию маргинальности, которая представляет собой периферийное положение личности в обществе. О маргинальности обычно говорят в связи с изгоями и мигрантами. «Переходную личность» воспринимают как одинокого и незащищенного человека, вырванного из привычной среды и тщетно ищущего почву, чтобы укорениться в иной, далеко не эквивалентной среде.

Процесс вхождения маргинальной личности в новое общество чрезвычайно труден, поскольку человек оказывается на границе двух культур. С одной стороны, еще сильны старые корни, знакома и понятна старая картина мира, поступками руководят привычные ценности. С другой стороны, старые представления оказываются не столь уж бесспорными, притягательностью начинают обладать образы и понятия новой жизни.

Далее отмечается, что межкультурная трансформация – довольно болезненный переход количественных изменений в качественно иные маркеры идентичности. Длительное нахождение в иной культурной среде не обеспечивает этого перехода автоматически: мигранты могут годами жить в своих общинах и не вступать в достаточное культурное взаимодействие с носителями языка и культуры. Состояние переходности, приобретающее стойкий характер, делает личность конгломератом разноплановых социальных ролей и культурных ориентации. Такая амбивалентность нередко ведет к деперсонализации, порождает внутреннюю напряженность, психические расстройства и срывы.

Для того чтобы в межкультурной коммуникации активно осу-

ществлялся процесс продуктивной трансформации, необходима высокая степень интенсивности межкультурных контактов, которая должна быть выражена как на количественном (частота и длительность контактов), так и на качественном уровне (глубина и насыщенность общения). Степень ассимиляции личности зависит от исходных установок (желания или нежелания стать органичной частью новой культуры), степени включенности в социальную жизнь общества, а также от государственной политики по отношению к мигрантам.

В результате продуктивной межкультурной трансформации личность претерпевает глубокие изменения. В рамках данного исследования применялась модель М. Беннетта, предусматривающая продвижение от этноцентрических стадий (изоляция и отрицания чужой культуры) к этнорелятивным стадиям

Личность Газданова являла собой один из первых примеров формирования трансформированной идентичности, которую можно, с некоторыми оговорками, назвать маргинальной идентичностью постмодерна. Безусловно, Газданов не является представителем постмодернистской парадигмы в полной мере, однако, он предвосхищает в своей жизни и творчестве ее доминантные черты.

В заключение высказывается предположение, что ситуации миграции, диаспоры, перемещенности создают необходимые предпосылки для осуществления постмодернистского проекта

Параграф 1.2. «Интерпретация «своего» и «чужого» русскими эмигрантами «поколения полутора»» начинается с констатации, что 1920-1930-е годы впоследствии были описаны ими при помощи «кризиса современности». В ситуации миграции начинает формироваться совершенно уникальный механизм культурной идентификации личности, находящейся в кризисной, пограничной ситуации в условиях чужой страны и чужой культуры. Именно кризис идентичности, на наш взгляд, дал возможность некоторым российским эмигрантам того времени совершить прорыв в конструировании собственной идентичности.

Эмигрантская публицистика межвоенных лет не только постоянно оперирует такими понятиями, как «новое», «чужое», но и усиливает скрывающуюся за ними семантику катастрофы: «Пока мир пережил одну катастрофу, мы пережили две»⁵, – констатирует Зинаи-

⁵ Гитлис З Современность // Числа – 1933 – Кн 9 – С 142

да Гиппиус Умножающееся количество катастроф в данном случае предполагает умножающееся количество образов нового, а, следовательно, «чужого», – советская Россия описывается молодыми литераторами как территория пугающей и непонятной новизны. Ужас восприятия «нового» как «чужого», страх перед необратимыми изменениями, которым подвержены «свои», оставшиеся на враждебной территории, может отчасти компенсироваться при помощи моделей нелинейной истории.

Иначе говоря, будущее выносится за пределы актуальной маргинальной (поликультурной) идентичности; с точки зрения представителей «поколения полутора», на будущее нельзя повлиять, его нельзя рационально планировать и выстраивать. При этом именно в будущем должен окончательно оформиться, закрепиться, реализоваться коллективный образ желаемой культурной идентичности, только в будущем этот образ может быть зафиксирован и описан. Категория прошлого, напротив, практически не имеет отношения к коллективной и/или личной культурной идентификации. Прошлое маркируется как область индивидуального переживания; реконструкция прошлого, чрезвычайно значимая для многих литераторов-эмигрантов, призвана выявить особые свойства индивидуальной памяти, индивидуального опыта.

При характеристике особенностей формирования поликультурной идентичности в замкнутой среде парижской мигрантской диаспоры, выявляется, что новые сообщества и объединения определяются, прежде всего, именами активных участников. «Поколение полутора» представлено русскими литераторами-эмигрантами, включая и Газданова, но это не устойчивое «групповое ядро», а, скорее, несколько рассеянных авторов, волей обстоятельств оказавшихся рядом, пытающихся всякий раз заново обозначить основания для коллективной и личной культурной идентификации, переформулировать общие задачи и, главное, – заново определить собственное место в разыгрываемом сюжете, что и позволило атрибутировать специфику данного ролевого поведения как относящуюся к раннему постмодерну. Вместе с тем, именно к «поколению полутора» относятся первые попытки конструирования динамичной идентичности, характерной для более поздней культурной эпохи. В этой связи объяснимо раздражение критиков, современников Газданова, которые, ожидая увидеть новое литературное течение, увидели безыдейный конгломерат литераторов, функционирующий на основе сразу нескольких проти-

воречащих друг другу культурных образцов, в чем и проявляется снятие дуальной оппозиции «свое» – «чужое», характерной для раннего постмодернистского дискурса.

Представлены также не столько социальные причины маргинальности как таковой (бедность, плохое знание языка, подозрительное отношение к эмигрантам из России), сколько культурные, побуждающие литераторов «поколения полутора» постоянно маркировать замкнутость своего сообщества как выстраивание «своего» в чужой культуре. Однако «свое» позиционируется как неустойчивая социальная реальность. Речь идет о специфической защитной функции, которую выполняет сообщество литераторов, расцениваемое как братство, способное оградить лишенный собственных свойств, «свой» круг литераторов-эмигрантов от проникновения «чужих» смыслов, ценностей и образов жизни. Всё это отсылало, с одной стороны, к воспоминаниям о «военном», «офицерском», «белогвардейском» товариществе, с другой – к идее «мистического братства», которая в эмиграции активно осваивается самыми разнообразными сообществами (от масонской ложи до «Братства святой Софии»), что также связано с жизнью и творчеством Газданова.

«Свое» сообщество воспринимается представителями «поколения полутора» то как некий единый организм, членов которого объединяет внутренняя связь, то представляется случайным собранием одиноких, непроницаемых друг для друга личностей. Таким образом, конструирование коллективной культурной идентичности превращается в поиск паттернов совместного поведения, которые позволили бы соединить две стороны идентификации – одиночество, уникальность, неповторимость личности и потребность в творческой реализации. Постоянная угроза ощутить себя провинциалами по отношению к метрополии или маргиналами в чужой стране снимается формированием идеи особой эмигрантской идентичности, близкой по своей структуре к разорванной идентичности «нового», «послевоенного» европейца эпохи раннего постмодерна, что особенно значимо в рамках данного исследования.

Неустойчивая социальная реальность, в которой жили представители «поколения полутора», характеризуется как «пороговая», «лимитальная», «антиструктурная», то есть мозаичная, а, следовательно, постмодернистская. В ней разорваны или лишь эпизодически поддерживаются каналы связи с другими социальными институтами, нет четких границ между актуальной и второстепенной литературой,

между инстанциями автора, критика и читателя. В такой ситуации легко экспроприируются, хотя и остаются фрагментарными, «чужие» маркеры культурной идентичности. Таким образом, «свое» и «чужое» ситуативно меняются местами, постоянно происходит проигрывание новых неустойчивых паттернов поведения. Становясь литераторами, представители «поколения полутора» получают возможность оперировать сложившимися собственными образцами поликультурной множественной идентичности, снимая противопоставление «свое» – «чужое» в культуре.

В заключение главы доказывается, что личность Газданова являла собой один из первых примеров складывания трансформированной идентичности, которую можно, с некоторыми оговорками, назвать поликультурной идентичностью раннего постмодерна.

Вторая глава «Деконструкция «своего» и «чужого» в жизни и творчестве Г. Газданова» посвящена рассмотрению с позиций культурологического анализа таких вопросов, как формирование уникальной мультикультуральности и постмодернистских тенденций в мировоззрении писателя, и состоит из двух параграфов. При этом делается попытка представить личность самого писателя как поликультурную трансформированную личность с множественной идентичностью.

Подчеркивается также, что снятие оппозиции «свое» – «чужое» в творчестве Газданова в качестве философской интенции оказало значительное влияние на формирование нормативных образов эмигрантской литературы.

Параграф 2.1. «Формирование поликультурной идентичности Г. Газданова» открывается методологическим уточнением, что, рассматривая культуру как метатекст, творческий путь Газданова интерпретируется следующим образом: от текста, в котором жизненные факты художественно преломлялись, затем подвергались коренной трансформации, к тексту, в котором использование «документального кода» становилось литературным приемом, и следом – к тексту, утратившему ориентацию на документальность любого вида, в том числе и автобиографическую.

Судьба Газданова несет в себе явный след истории его семьи, пережившей разрушение языковых и социальных барьеров. Можно сказать, что в идентичности писателя изначально присутствовали три культурных маркера: традиционный осетинский, православный и европейский. Эту стадию можно охарактеризовать как монокультурную

ситуацию, поскольку она была характерна для многих жителей столицы российской империи, которые не являлись русскими по рождению. В современной культурной антропологии такой тип идентичности принято называть суперэтническим.

Для формирования идентичности Газданова важен харьковский период жизни писателя, озаглавленный любовью к Т. Пашковой (прототип Клэр) Высказывается предположение, что неудавшаяся любовная история, увлечение «философией жизни» явились теми внутренними причинами, которые привели юного Газданова к ситуации кризиса монокультурной идентичности. Как и большинству молодых людей, ему было необходимо демонстрировать свой новый статус взрослого мужчины, для чего как нельзя лучше подходила служба в армии.

По окончании Гражданской войны в жизни Газданова начинается период эмиграции, для которого характерно состояние маргинальности, внаходимости по отношению к «своему» и «чужому». В данном случае происходит несовпадение внутренней и внешней идентичности, что является интенцией к развитию творческого начала. Творческая активность в данном случае становится одним из основных каналов самореализации мигранта-маргинала: в 1926 г в Праге был опубликован первый рассказ Газданова «Гостиница грядущего», что положило начало его литературного пути.

В 1928 г Газданов вступил в масонское братство. Маргинальное положение писателя требовало своего разрешения не только в творчестве, но и в социальной жизни. При этом подчеркивается, что перед нами типичный пример идентификации личности с малой группой, однако в случае с Газдановым проблема представляется более сложной. Выдвигается предположение, что в ситуации формирования множественной идентичности, свойственной раннему постмодерну, малая группа является лишь частью игрового пространства, в котором «свои» являются таковыми только на собраниях; в реальной же жизни брата не только не встречались друг с другом, но и, встретившись, не должны были узнавать друг друга. Таким образом, «свои» были таковыми только в частном пространстве, а в публичном они оставались «чужими». Театрализация, присущая постмодернистскому дискурсу, и в этом случае способствовала снятию оппозиции «свой» – «чужой» в мире Газданова.

Начало Второй мировой войны было озаглавлено «падением» Парижа как крупнейшего культурного центра русской эмиграции.

Связано это, прежде всего, с различными позициями эмигрантов по отношению к фашистской Германии и, как следствие, либо с мобилизацией в Иностранный легион, либо с оттоком русских из французской столицы в свободную зону, или в Америку. Настроенные же наиболее лояльно к новому режиму эмигранты предпочитали оставаться в Париже в ожидании того, что гитлеровская армия принесет России долгожданную свободу от большевиков. Газданов, как известно, не принадлежал ни к тем, ни к другим, ни к третьим. И вновь перед нами снятие оппозиции «свое» – «чужое» в мировосприятии писателя.

События Второй мировой войны повлияли на изменение отношения Газданова к происходящему: он становится сотрудником «Русского патриота» – просоветской газеты, далекой по идеологии от эмигрантских изданий. Однако после окончания войны вступили в силу прежние противоречия, и Газданов примкнул к тем, кто получил советское гражданство (1947; в этом же году он выходит из Союза журналистов), что еще более отдалило его от писательской эмигрантской среды, сделав его вновь «чужим» среди «своих».

До 1953 года (начало сотрудничества с радио «Свобода») у Газданова не было постоянного места работы: большую часть жизни он был таксистом, а эта профессия в значительной мере является индивидуальной, не предполагает формальных социальных связей внутри какой-либо организации. При поступлении на радио «Свобода» произошло коренное изменение образа жизни и социального статуса писателя

В заключение параграфа делается вывод о том, что произошедшая смена социального статуса и роли позволила Газданову реализовать в своей профессиональной деятельности черты трансформированной культурной личности. В 1967 г. его назначили редактором русской службы радио «Свобода», что позволило ему готовить интересные передачи о Гоголе, Чехове, Алданове, Степуне, Зайцеве и других русских писателях. Черты поликультурности, присущие личности Газданова, нашли свое воплощение в качестве медиатора двух ветвей русской культуры – советской и эмигрантской. Однако, как эмигрантская среда, так и советская, и европейская культуры оставались для него и не вполне «своими», и не вполне «чужими».

Параграф 2.2. «Интерпретация постмодернистской идентичности как философская интенция творчества Г. Газданова» открывается указанием, что уже первый его исследователь Л. Дие-

неш подчеркивал в текстах писателя снятие оппозиции «свое» – «чужое»: «В слиянии двух разнородных элементов – русского и западного – в одно целое – прозрачную классическую прозу с новым тревожным содержанием... с утратой веры и всех ценностей и в то же время с духовным преодолением пустоты и, в конечном счете, торжеством над этими разрушительными стремлениями – Газданов создал нечто новое в русской литературе, такое, чего до него не было»⁶.

Отмечается, что именно доминирование формы при одновременном использовании приёма «смерти автора», его отчужденности от внутреннего мира персонажей и является предвосхищением философии постмодерна.

Разрыв между «существованием» и «ролью», или утрата устойчивой идентичности, – характерная черта философии постмодерна. В связи с этим указывается, что полярные модусы письма – «искренность» и «пародия» – провоцируют чтение, ориентированное на поиск портретного, биографического, фактографического сходства.

Вполне очевидно, что значительный пласт мировоззрения Газданова составляет поликультурное сознание. Оно обнаруживается во всех девяти романах писателя, поскольку в каждом из них интерпретируются межкультурные проблемы. Уже в первом крупном произведении (роман «Вечер у Клэр», 1929) видны поликультурные тенденции, соответствующие постмодернистской стилистике: в романе мы встречаем такого героя и такую модель мира, которые соответствуют раннему постмодернистскому мировидению. Это связано с открытием нового героя в литературе – самоценного, располагающего неповторимым внутренним миром, героя, для которого в культуре нет «своего» и «чужого».

Снятие оппозиции «своего» и «чужого» в творчестве писателя реализуется различными способами: 1) через мотив множественной идентичности героя, 2) через особый речевой стиль (повествование от первого лица множественного числа), 3) через введение гипертекста, что означает наличие повествовательной структуры «текст в тексте».

Поскольку для постмодернистского письма реальность не представляет самостоятельной ценности, а предстает через призму субъективных апперцепций, то центр тяжести в таком романе смещается с события на его восприятие. Показано, что без учета характера жанро-

⁶ Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество – Владикавказ. Изд-во Сев.-Осет. ин-та гумм. иссл. – 1995 – С. 9

вого мышления Газданова не может сложиться представление о своеобразии его мировоззрения, которое, синтезируя в себе русскую и западную модели культуры, выходит на новый уровень постмодернистского межкультурного диалога (поликультурности).

Мировоззрение Газданова, позиционированное в контексте предпостмодерна, вырабатывает и оригинальные принципы поэтики. 1) повествование в русле потока сознания, 2) временной синкретизм, 3) множественная идентичность героя, 4) соединение рационального и иррационального и т. д.

Газданов одним из первых ввёл новаторское представление об источниках творческого процесса. Следуя его метафорической логике, творческие интенции личности рождаются на границах состояний, то есть на границе жизни и смерти, как в исследуемых нами текстах. Вместе с тем, в дискурсе раннего постмодернизма само творчество и разрушает границы жизни и смерти, своего и чужого, прошлого и настоящего. Интерес к «изменённым состояниям сознания» характерен почти для всех произведений Газданова. Таким образом, в нарратив вводится представление о совершенно уникальном механизме культурной идентификации личности, находящейся в пограничной ситуации, где отсутствуют бинарные оппозиции «своего» – «чужого», «космоса» – «хаоса».

В **Заключении** подведены итоги данного исследования и указаны его возможные перспективы, к которым относится компаративный анализ мировоззренческих интенций творчества Г. Газданова и В. Набокова, так как оба писателя, на наш взгляд, могут быть представлены как поликультурные личности, служащие медиаторами различных культур.

Публикации автора по теме диссертации:

1. Культура и личность как проблема в творчестве Гайто Газданова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств – 2007. – № 2. – С 47-49.
2. Проблема «своего» и «чужого» в формировании культурной идентичности личности // Объединённый научный журнал. – 2007. – № 13. – С. 53-55.
3. «Поколение полутора» в культуре русской эмиграции. специфика идентичности // Объединённый научный журнал. – 2007. – № 12. – С. 56-58.

4. Снятие проблемы разграничения «своего» и «чужого» в жизни и творчестве Гайто Газданова // Современные гуманитарные исследования. – 2008 – № 2 – С. 69-73.
5. Проблематика романа Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Современные гуманитарные исследования – 2008. – № 2 – С. 74-78.

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»

ПД № 1-00007 от 25 09 2000 г.

Подписано в печать 04 05 08.

Тираж 100 экз. Усл п л 1,43

Печать авторефератов (495) 730-47-74, 778-45-60